

Каранова от 1898 г. и Б. Липовского (псевдоним Николя Василюва) 1907 г. Как заявляет автор, эти переводы близки к русскому оригиналу и с помощью «стихов в прозе» сравнительно хорошо передают поэтические достоинства «Слова». В конце статьи автор называет различные стихотворные и прозаические переводы отрывков из «Слова», например Хр. Кисякова 1889 г., Детелинова 1884—1885 гг.

Особый интерес представляет последняя статья в сборнике, написанная Н. М. Дылевским (стр. 111—139), — «Бележки към Песен за похода на Игоря». Эти заметки к тексту «Слова» содержат ряд новых толкований, предлагают некоторые параллели из южнославянской, и в частности болгарской, народной поэзии и, наконец, дают полезные библиографические указания. Обобщая, мы можем сказать, что автор этих комментариев действительно дал удачные объяснения некоторых «темных мест» в «Слове о полку Игореве». Однако следует заметить, что этот комментарий может быть дополнен новыми замечаниями, в частности одним общим. Не каждый читатель-болгарин поймет племенное обозначение «половцы», которое, в сущности, неизвестно широко среди болгар, не встречается часто ни в старой, ни в новой болгарской литературе. Необходимо заметить, что половцы, как правильно сообщает Н. М. Дылевский (стр. 79, прим. 1), известны под наименованием «куманы» и в византийских и в болгарских исторических сочинениях. Некоторая синхронизация событий «Слова» с событиями в болгарских землях, в которых участвовали куманские дружины, по-новому бы раскрыла их перед болгарским читателем. Достаточно упомянуть хотя бы то, что в год похода Игоря и победы половцев, куманские дружины помогают в Болгарии братьям Петру и Асеню в проведении восстаний против византийского господства,⁵ что в течение следующих лет куманские дружины действовали как наемники и союзники Петра и Асеня, что куманская дружина помогала болгарскому войску в сражении против цареградских латинян при Одрине 14 апреля 1205 г., завершившемся разгромом крестоносцев и пленением императора Балдуина Фландрского. И позднее, в XIII—XIV вв., царствующие на болгарском престоле три династии тесно связаны по происхождению с куманами. Все это может в сознании болгарского читателя объяснить и дополнить множество представлений и сведений. То, что болгарин знает о положительной и отрицательной роли куманов в средневековой болгарской истории, связанной с именами Асеней, Тертериев и Шишманов, так же как и с именами отдельных воевод из болгарского прошлого, немедленно оживет в памяти читателя и произведет более сильное впечатление. Пока же слово «половцы» означает для нашего читателя название чуждого, неизвестного народа. Средневековая болгарская историография, современная болгарская историография и близкая нам византийская историческая традиция неизменно говорят о существовании этих половцев под широко известным именем куманов.

Другая связь между болгарским прошлым и русской исторической действительностью, отразившаяся в «Слове», обнаруживается в употреблении имени Боян.

Как известно, в византийских исторических источниках⁶ это имя монгольского происхождения встречается в написании Βαϊανός. Так читается

⁵ Подробности см. у Ив. Дуйчева: Въстанието в 1185 г. и неговата хронология. — Известия на Института за българска история (далее: ИИБИ), VI, 1956, стр. 327—358; Ив. Дуйчев. La date de la révolte des Asénides. — Byzantinoslavica, XIII, 1952—1953, стр. 227—232.

⁶ См. указания у G. Moravcsik (Byzantinoturcica. II. Sprachreste der Türkvölker in den byzantinischen Quellen. Berlin, 1958, стр. 83, 84).